

В.Н. ВИНОГРАДОВ

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И РОССИЯ.

XV – конец XIX века

В 1380 г. великий князь Московский Дмитрий Иванович, прозванный впоследствии Донским, разгромил татар на Куликовом поле. Через два года хан Тохтамыш нанес ответный удар, ворвался в Москву, сжег и опустошил город. Но восстановления татаро-монгольского ига в прежнем виде не произошло. Дмитрий Иванович впервые передал княжение своему старшему сыну без санкции хана. Золотая Орда распалась, ей наследовали Казанское, Астраханское, Крымское ханства, орды Большая и Ногайская. И у всех грабеж русских земель превратился в государственную политику. Порубежье составляли земли, именовавшиеся Диким Полем.

Русь с ее быстро растущим населением встала перед выбором: или смириться с превращением в объект постоянных поборов и прямого грабежа, или политике грабежа противопоставить отстаивание своих интересов и приступить к возвращению некогда утраченных земель.

Постепенно шло превращение Дикого Поля в культурное, земли, пущенные в хозяйственный оборот, в перспективе должны были поставлять зерно на рынки Западной Европы. Никакие набеги не могли согнать пахаря с поля. Движение на юг прокладывали и солдатский штык, и крестьянская соха.

В правление Ивана III Васильевича, великого князя не только по титулу, но по свойствам природы, многочисленные территориальные приращения Москвы увенчались вхождением в ее владения княжеств Псковского, Новгородского и Тверского. У последнего Москва заимствовала и герб в виде двуглавого орла. И, наконец, в 1480 г., через 100 лет после Куликовской битвы, пало татаро-монгольское иго после “стояния” на реке Угре: русская рать представилась хану Ахмату столь грозной, что он приказал трубить отступление, превратившееся в бегство.

Итоги правления Ивана III выглядят впечатляюще. На востоке Европы появилась громадная держава, именовавшаяся уже не Московской, а Российской. Среди знаменательных дат, связанных с ее появлением, как-то затерялся 1475 г. А он заслуживает выделения из общего ряда событий, хотя в отечественной истории предстает датой не торжества, а скорби.

* * *

В 1475 г. турецкие войска высадились в Крыму. Они оккупировали полуостров, Северное Причерноморье и Приазовье, вторглись далеко в глубь древнерусских земель. Рухнул баланс сил в регионе. Хан Менгли гирей превратился в вассала Высокой Порты, а ханство из осколка развалившейся Золотой Орды преобразовалось в санджак находившейся на вершине могущества Османской империи: 50-е годы – захват Константинополя и гибель Византийской империи, 70-е – присоединение Крыма и установление гос-

Виноградов Владилен Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

подства на Черном море, а впереди – эпоха Сулеймана Великолепного, прорыв в XVI столетии на венгерскую равнину, основание Будайского эялета.

Осколки Золотой Орды не могли тягаться силой с крепнущей Россией. Все они прекратили существование, последними – ханства Казанское и Астраханское в царствование Ивана Грозного.

Совсем иная участь ожидала крымский форпост Высокой Порты. Сюзеренитет Османской державы давал ему своего рода гарантию неприкосновенности. Очередной жертвой экспансии султаната стала Центральная Европа. Раздоры между ордами не прекращались. В 1502 г. Менгли гирей разгромил Большую орду. Но затем отношения России с гиреями испортились навсегда. Набеги продолжались, и попытки прекратить их с помощью дани в форме подарков ни к чему не приводили: подарки принимались – набеги продолжались.

Столкновение с османами произошло в 1637 г.: донские казаки дерзким налетом захватили крепость Азов в устье Дона. Приписывать акцию одной казачьей удали не имеет смысла, хотя удали было предостаточно. Казачий круг обратился к царю Михаилу с прошением принять крепость в число своих владений, справедливо отмечая, что “с того же града Азова чинитца многие пакости Российскому государству”¹, так что интересы державы были донцам не чужды.

В боярской думе и посольском приказе обращение вызвало не радость, а тревогу и опасения – казачья предприимчивость грозила серьезными международными осложнениями. Еще не все раны Смутного времени зажили, еще Смоленск не вернулся в состав российских владений, а тут атаманы провоцируют ссору с Турецкой империей. На созванном Земском соборе возобладало мнение благоразумных и умеренных. Пять лет посольский приказ вел с турками переговоры. Казаков задобрили порохом, ружьями и сукном на кафтаны, и они покинули полуразрушенный Азов.

Спокойствие на границе длилось до 1678 г., когда разразилась война с Османской империей, установившей свою власть над Подолией. Сооруженная Изюмская засечная черта не позволила крымской коннице прорваться в глубь России. По Бахчисарайскому миру 1681 г. стороны установили границей между двумя державами реку Днепр, Высокая Порта признала вхождение Левобережной Украины и Киева в состав России.

В 1683 г. великий визирь Кара Мустафа паша во главе 200-тысячной армии двинулся на Вену – утверждать власть Высокой Порты в сердце Европы. К войскам Габсбургской монархии присоединилась армия Речи Посполитой, а Венецианская республика вела боевые действия на море. В 1684 г. союзники образовали Священную лигу, к которой в 1686 г. присоединилась Россия.

Последний крестовый поход христианской Европы длился до 1699 г. и увенчался успехом, воспринятым в Европе как триумф. Россия весомо участвовала в общих действиях. Крымские походы 1687 и 1689 гг. окончились, правда, неудачно, но они отвлекли 100-тысячную кавалерию ханства от войны на основных фронтах. Немалую роль в общих усилиях сыграли и Азовские походы Петра I в 1695 и 1696 гг. На мирном конгрессе в Сремски Карловцах (Карловице) к “Священной Римской империи германской нации” (Австрии) были присоединены Центральная Венгрия и Трансильвания, Речь Посполитая обогатилась Подолией с крепостью Каменец, Венеция приобрела Морею (Южную часть Балканского полуострова). Россию союзники не баловали своим вниманием. Турция по перемирию, заключенному на два года, теряла Азов². Пришлось сразу думать о заключении прочного мира на длительный срок.

Девять месяцев длилась трудная миссия думных дьяков А. Украинцева и И. Чередыева в Стамбуле. Им пришлось столкнуться с бесконечной волокитой и выслушивать высокомерные заявления османов: “Аллах создал турок со всеми творить войну и побеждать мечом”. Попытка добиться свободы судоходства по Черному морю натолкну-

¹ *Разин Е.А.* История военного искусства, т. 3. М., 1962, с. 930–939.

² *Виноградов В.Н.* Последний крестовый поход христианской Европы. – Новая и новейшая история, 2011, № 1.

лась на резкий отказ: “По Черному морю иных государств кораблям ходить будут свободно тогда, когда Турецкое государство падет и вверх ногами обратится”. Не удалось склонить оппонентов к передаче России днепровских городков, занятых ее войсками уже после взятия Азова. Украинцев аргументировал: здесь сподручно сопротивляться набегам крымцев. Ему отвечали: еще сподручнее использовать оные городки как базу для нападения на Крым. Договорились на том, что городки подлежат срытию. Земли от Перекопа до Азова и от Запорожской сечи до Очакова сохранились “пустые и порожние и всяких жильцов да лишены будут”³. Удалось избавиться от унижительной дани Крымскому ханству. Правда, глава турецкой делегации, великий драгоман Порты грек А. Маврокордат, советовал “подарки” время от времени все же делать, ибо “и псов кормят же, чтобы сыты были и голодом не издыхали”, предрекая, что избавиться от “поминок” все же не удастся.

Увы, труды Украинцева и Чередеева пошли прахом, Константинопольский договор не выдержал испытания временем. В 1710 г. султан вновь объявил войну России, а в следующем разыгралась трагедия на реке Прут. Армия фельдмаршала Б.П. Шереметева с участием самого Петра I была окружена на реке Прут у местечка Станилешти превосходящими турецко-татарскими силами. (38 246 русских солдат и офицеров плюс 5 тыс. добровольцев из Молдавского княжества против 120-тысячного турецкого войска и 75 тыс. крымских конников)⁴.

Петр I пошел на большие жертвы в пользу турок и шведов: он был готов оставить не только Азов, но даже Таганрог и почти все завоеванное в Прибалтике, лишь бы сохранить доступ к Балтийскому морю и Петербург. 11(22) июля он отправил уполномоченному на переговоры в турецком лагере П.П. Шафирову записку: “Ставь с ними на все, что похотят, кроме шклафства (плена), и дай нам знать конечно сего дни, дабы свой десператный путь могли, с помощью Божьей, начать”. В случае турецкого отказа решено было прорываться⁵.

Опытный дипломат Шафиров сумел договориться с Балтаджи пашой, хотя и на тяжелых, но все же более сносных условиях. По подписанному 12(23) июля условиям Россия теряла Азов, обещала скрыть Таганрог и Каменный затон, отказывалась от вмешательства в польские дела и гарантировала безопасный проезд королю Карлу XII в Швецию. Петр немедленно утвердил договор. Он был безмерно тяжел для России, означал отказ от всех преимуществ, завоеванных в Азовских походах. Отношения с Высокой Портой стали напоминать, существовавшие при царе Алексее Михайловиче. Путь домой выдался для поредевшей армии Шереметева воистину десператным, солдаты от жары, усталости и голода умирали сотнями. Общие потери похода составили 13 тыс. человек.

Но не одни тяжелые воспоминания оставила эта драма. В бумагах Петра Великого появились формулировки, определившие балканскую политику России на десятилетия и века вперед. В обращении к христианам полуострова от 8(19) мая 1711 г. он свидетельствовал: “В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель, городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем”. Здесь проступала мысль о территориальной насыщенности России. Далее шел постулат о возрождении под российским покровительством ликвидированной османскими завоеваниями государственности балканских христиан: “Позволим под нашу протекцию избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержа их яко под протекцию своюю”⁶. Не к захватам и завоеваниям стремилась Россия, а к освобождению находившихся под османским бременем христиан.

³ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990, с. 302.

⁴ Письма и бумаги Петра Великого, т. 11, вып. 1–2. М., 1964, вып. 2, с. 30.

⁵ Там же, вып. 1, с. 562, 617; текст Прутского договора – с. 322–323.

⁶ Там же, с. 226.

1735–1739 гг. – очередная война с Турцией, на этот раз в союзе со “Священной Римской империей германской нации”, с Австрией. Габсбургские войска были разгромлены в пух и в прах, и Вена подписала унижительный мирный договор. Россия провела пять кровопролитных кампаний, дважды ее войска врываются в Крым. Гирей избегал сражений, натиска регулярных войск орда не выдерживала. Однако палящее солнце и засуха стали причиной конского падежа. Армия утрачивала кавалерию и артиллерию. Дважды армию выводили с полуострова. Когда командующего спросили о причинах эвакуации, он ответил, что хотел сохранить войско.

Кампания 1738 г. выдалась совсем неудачной. В пограничье, вдоль реки Днестр, солдат выкашивали инфекционные болезни. Генерал Б.Х. Миних жаловался: “Нет кормов в достаточном количестве, везде глухие и пустые горы и буераки, а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, нельзя доподлинно знать, где взять воды и фуражу и миновать трудные дефилеи”.

В 1739 г. было решено предпринять наступление на главном балканском направлении. Переправившись с войсками через Днестр, Миних у местечка Ставучены разгромил 90-тысячное войско сераскера Вели паши, потеряв всего 100 солдат и офицеров. Турецкий гарнизон крепости Хотин сложил оружие.

Население Молдавского княжества встретило русских воинов как освободителей. Боярство и высшее духовенство еще в 1737 г. обратились к императрице Анне Иоанновне с прошением освободить их от “тяжелого ига турецкого” и принять в российский подданство, “поколик османы замучили их” суровостью варварскою, “ругая чистую и непорочную нашу православную веру, и другими тягчайшими и несносными угнетениями”. Столица Яссы встретила русское воинство колокольным звоном. Миних высказался за “удержание сей земли”. Но тут подоспели вести о капитуляции австрийских союзников. Посланник в Вене Л. Ланчинский изъяснялся без дипломатических околичностей: “Вскрылось зло гнило и неслыханно таково, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попорана”⁷.

Еще раньше заключение мира в 1739 г. не обошлось без участия французов. По причинам, с точки зрения здравого смысла, необъяснимым посредником в переговорах императрица Анна Иоанновна назначила французского посла в Стамбуле Л. Вильнева, который, судя по договору (срамном, по оценке Б.Х. Миниха), усердствовал во имя интересов не российской, а французских.

Подписанный в том же 1739 г. Белградский мирный договор выглядел скромно. Россия вернула себе Азов, но без права возводить укрепления. Земля к югу от него “имеет остаться пустая и между двумя империями барьером служить будет”. Россия не получила право заводить флот ни на Черном, ни на Азовском морях. По угрюмому замечанию С.М. Соловьева, Россия потеряла 100 тыс. солдат за срытие азовских укреплений⁸. Минуло более 260 лет, но наследие 1475 г. продолжало жить. Конечно, немало нового появилось в российско-турецком противоборстве. В послепетровское время на стороне Османской империи активно подвизалась французская дипломатия. Король Людовик XV питал какую-то необъяснимую ненависть к России. Он всерьез помышлял изгнать ее из Европы. Он наставлял своего посла в Петербурге Л.О. Бретеля: “Вы знаете, и я повторяю совершенно четко, что целью моей политики в России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе”. В другой раз он выразился так: “Что может ввергнуть этот народ во мрак невежества, служит моим целям”. Далее следовала уже мистика: он мечтал “ввергнуть этот народ в состояние хаоса и погрузить его во мрак”⁹.

⁷ Соловьев С.М. Сочинения, кн. X. М., 1993, с. 450.

⁸ Там же, с. 649.

⁹ В.В. Россия и Франция в первой половине XVIII века. – Русская старина, 1898, № 1, с. 150, 130; Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968, с. 63, 192; Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 1999, с. 332.

Людовик всю жизнь соорудил Восточный барьер из Швеции, Речи Посполитой и Турецкой империи вокруг России. Итоги известны: Швеции пришлось расстаться со многими владениями, Польша на какое-то время лишилась государственности, а султанская держава вступила в полосу упадка, из которой выбраться не смогла.

Хитросплетения истории привели к тому, что Франция выступила союзницей России в Семилетней войне 1756–1763 гг. против Пруссии. Но ничего похожего на дружественные или хотя бы дружелюбные отношения между двумя державами не сложилось. Король Луи следил за тем, чтобы его сестра Елизавета извлекла как можно меньше выгоды из побед своих войск.

В 1740 г. появился султанский фирман, который службу в почитаемых храмах Иерусалима и Вифлеема поручал католическому, т.е. французскому, духовенству, хотя ему надлежало бы осуществлять православным пастырям как представителям самой распространенной среди христиан края веры.

Выход к Балтийскому морю не обеспечивал круглогодичный вывоз товаров: море зимой покрывается льдом. По чистой воде отсюда отправляли лес, руды, чугун, пеньку, холсты. А урожай юга страны перевозился на лошадях, что обходилось тогда в 50 раз дороже, чем по воде, на парусах. Не тащить же было зерно с юга за тридевять земель к Балтике. В 60-е годы на заседании Вольного экономического общества был зачитан доклад, в котором говорилось: все земли к югу от линии Смоленск – Кострома – Воронеж заинтересованы в сбыте своей продукции через Черное море. А в перспективе основной экспортной культурой страны становилось зерно.

Пока что все это отдаленное будущее. По договору 1739 г. России не положено иметь ни суденышка на Черном и даже Азовском морях. Султаны бдительно сторожили Босфор от появления судов под Андреевским флагом, оберегая британское морское господство. Но ведь английская дипломатия недаром славится своей предусмотрительностью. Не надо ждать, пока гроза грянет, следует создать неформальный, не скрепленный договорными узлами, но реально существующий на базе общих интересов блок с султанской державой и с покровительствуемым ею Крымским ханством. Противоборство с Османской империей не прекратилось. Оно стало частью восточного вопроса, войдя в систему отношений держав с султанатом. Обозначились два подхода к решению судьбы проживавших в нем христиан – за их освобождение и против. Первый отстаивала Россия, и высшим его проявлением явились восемь войн с Турцией в XVIII и XIX вв. Второй – Великобритания, выступавшая за сохранение власти и влияния Высокой Порты на Балканах. Противостояние двух держав в Восточном вопросе продолжалось около 100 лет, в обиходе оно именовалось “большой игрой европейской политики”. Карикатуристы изображали состязание кита и слона, в ином варианте акулы и волка. Медведь в игре почему-то не фигурировал. Больше 100 лет, начиная с эпохи Екатерины II, Восточный вопрос занимал приоритетные позиции во внешней политике России.

* * *

В 1762 г. на престол вступила принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербтская, ставшая в России императрицей Екатериной II Алексеевной. Государственные дела она приняла в полном беспорядке. В казначействе – хоть шаром покати, 150 тыс. монастырских крестьян “отложились от послушания”, флот – в упущении, армия – в расстройстве, крепости разваливались. Императрица мечтала о пяти мирных годах. В ноябре 1763 г. она направила в посольства и миссии циркулярную депешу, в которой говорилось: “Намерения нашего никогда не было, да и нет в том нужды, чтобы стараться к расширению империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга”¹⁰. Чтобы не беспокоить турок, прекратили строительство крепости Св. Дмитрия (Ростов-на-Дону). Для придания “лестным блеском золота” большей убедительности речам резидента в Константинополе А.М. Обрескова

¹⁰ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000, с. 230.

направили ему 70 тыс. рублей¹¹. На долю реис эфенди (министра иностранных дел) пришлось 3 тыс. червонных, и он вроде бы поверил лестным речам Обрескова. Тот, не моргнув глазом, заверял его в полном отказе от вмешательства в польские дела. Но французский посол Ш.Г. Вержен добился смещения сановника. Король Людовик похвалил своего представителя за ретивость: “Единственной целью Ваших усилий должно быть вовлечение турок в войну”¹², которая не заставила себя ждать. Возникшие было у императрицы надежды: “С помощью Божьей на сей раз мимо пройдет” – не сбылись¹³. Заверениям Обрескова не поверили. Великий визирь говорил с ним на басах: “Отвечай, изменник, в двух словах: обязуешься ли ты, что эти все войска из Польши выведут, или хочешь видеть войну?”. Обресков угодил в Семибашенный замок, печальное пристанище многих своих предшественников¹⁴. 13 ноября 1768 г. царица известила двory, что “противу истинной склонности своей” намерена добиться “полного и публичного удовлетворения”. В январе 1769 г. крымская конница лавой устремилась на Украину, сжигая, уничтожая и истребляя все на своем пути. Никто тогда не предполагал, что это – последний набег. В Центральной России в это время – “чумной бунт” в 1771 г. в Москве, в следующем году – волнения на Дону, затем – Пугачевское восстание. Не проходила тревога, что в войну вмешается Швеция, король которой, Густав III, приходился двоюродным братом Екатерине по матери. Кузен рассчитывал на получение французских субсидий. Но король Людовик растратил к тому времени казну, и шведы не выступили. В 1771 г. былой союзник, Габсбургская монархия, заключила с Высокой Портой так называемый Субсидный договор, по которому обязалась путем переговоров или силой оружия добиться от России заключения мира с возвращением туркам всех потерянных ими крепостей, провинций и территорий. Сами Габсбурги зарились на Олteniю (Западную Валахию). Договор не был ратифицирован, но субсидию австрийцы ухитрились получить. В 1772 г. произошел первый раздел Речи Посполитой, на долю Австрии досталась Галиция, на какое-то время ее тяга к захватам была удовлетворена. По мнению П.И. Панина, раздел помешал Габсбургской монархии обнажить меч.

Война выдалась длительная, тяжелая и кровопролитная. Один рекрутский набор шел за другим, всего – 300 тыс. человек. Под конец в армию, по словам фельдмаршала П.А. Румянцева, поступала “слабая неучь”¹⁵. Но уже первая кампания увенчалась победами. Была занята крепость Хотин, войска переправились через Днестр и вступили в столицу Молдавии Яссы. В июле месяце из Кронштадта в Средиземном море отправилась эскадра адмирала Г.А. Спиридова. 1770 г. ознаменовался разгромом главных сил турецкой армии в битве на реке Ларге, у Рябой Могилы и на реке Кагул. Последнее сражение проиграл великий визирь. Удалось захватить крепости Бендеры, Измаил, Килия, Аккерман.

Летом 1771 г. при поддержке Азовской флотилии Крым был занят. На Дунае пришлось отбить попытки турок взять реванш на левом берегу, их силы были разбиты под Бухарестом. Российские войска отдельными отрядами переправлялись на правый берег реки, но сил для общего наступления не хватало. Тревожило сосредоточение австрийских войск на российской границе.

Совет при высочайшем дворе, обсудив крымский вопрос, четко обозначил свою позицию: “Крымские татары по их свойству и положению никогда не будут полезными подданными е.и.в.”. Екатерина эту точку зрения разделяла и опасалась, что в случае присоединения полуострова ее станут обвинять в “беспредельном намерении умножения своих областей”, остерегаться чего “благоразумие научает”. Однако все понимали,

¹¹ *Чеулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1890, с. 265–266.

¹² *Valloton H.* Catherine II. Paris, 1955, p. 192.

¹³ *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010, с. 89.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Сношения с Турцией, 1772, д. 1679, л. 58.

что Крым занимает господствующее стратегическое положение в Черном море. Было решено провозгласить независимость ханства. Подразумевалось при этом, что оно будет проявлять лояльность к Российской державе. В договоре от 1 ноября 1772 г. об этом говорилось однозначно: ханство обязывалось “против России никому ни в чем и ни под каким претекстом помощи не оказывать”. Решение Совета при высочайшем дворе гласило: “Велико и знатно может быть приращение силе и могуществу российским, если они (татары. – *В.В.*) отторгнутся от власти турецкой”¹⁶. Нужно не присоединение Крыма, а стратегический контроль над ним. Поскольку в Крыму стояли русские войска, Петербургу не стоило труда провозгласить его независимость. Никому тогда в голову не пришло, что вопрос погружается в омут противоречий, из которого его придется вытаскивать десять лет¹⁷.

В 1773 г. в военных действиях произошла осечка. Румянцев с отрядом войск переправился на правый берег Дуная. Лето выдалось засушливым, нехватка кормов привела к падежу конского состава. Полководец счел разумным возвратиться на левый берег. А в Петербурге зашевелились интриганы, на Румянцева посыпались доносы. Оскорбленный, тот подал прошение об отставке. Но Екатерина горой вступилась за него: она к “ушинадувателям” не прислушивается, клеветников и “сплетен складчиков” не терпит, ее доверие к полководцу не поколебалось¹⁸. Румянцев ободрился и в кампании 1774 г. добился решающих побед.

Не случайно, конечно, его желание заключить мир в годовщину печальной трагедии на реке Прут. Известна его позднейшая крылатая фраза: мир “подписан без всяких обрядов министеральных, а единственно ухваткою военною, соответствующую положению оружия, с одной стороны превозмогающего, а с другой – до крайности угнетенного”¹⁹. Полководец лукавил. На самом деле Обресков, оказавшийся в обозе турецкой армии, воспользовался перерывом в военных действиях для того, чтобы перебраться к своим. На конференциях в Фокшанах и Бухаресте он согласовал немало условий трактата, причем и тех, что фиксировали покровительство России над православным населением.

Кючук-Кайнарджийский мир знаменовал новую эпоху в истории Балкан и России. Удалось достичь многого из того, о чем раньше только мечталось: добиться свободы судоходства по Черному морю, Босфору и Дарданеллам, очистить дорогу для будущего потока русского зерна на западноевропейские рынки, обеспечить безопасность южных рубежей державы. За царями признавался титул падишахов, т.е. императоров. Российские представители в Стамбуле из резидентов возводились в ранг посланников. На совершенно новую основу были поставлены отношения России с православными народами. Обресков придал ее покровительству религиозный оттенок, так было легче добиться уступок с турецкой стороны. Знаменитая седьмая статья трактата выглядела скромно: “Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяется министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в четырнадцатом артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещает принимать оные яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно дружественной державы”²⁰.

Поскольку за спиной этой “любезной особы” угадывался лес штыков, советы из ее уст звучали убедительно и пренебрегать ими было нежелательно. Христианские народы оказались в сфере российского покровительства. Вместе с тем ни в трактате, ни в одном из последующих документов термин не употреблялся, и, когда раздавались требования отменить российский протекторат, отечественные дипломаты отвечали, что нельзя отменить то, что не существует.

¹⁶ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955, с. 245.

¹⁷ Fisher A. The Russian Annexation of the Crimea. Cambridge (USA), 1970, p. 197.

¹⁸ Дружинина Е.И. Указ. соч., с. 298; АВПРИ, ф. Сношения с Турцией, 1772, д. 1760, л. 115.

¹⁹ Румянцев П.А. Документы, т. 5. М., 1969, с. 766.

²⁰ Дружинина Е.И. Указ. соч., с. 351, 352.

Императрица Екатерина высоко оценила трактат и лестно отозвалась об участии Обрескова в его подготовке: “Апробуя Вами самим и реис-эфендию предложенные артикулы сверх инструкции, охотно признаем мы в оных плод персонального Вашего усердия и отменного знания наших с Портою отношений”, – говорилось в ее рескрипте²¹.

Провозглашение независимости Крыма не произвело желаемого впечатления, в Стамбул отправилась делегация с изъявлением лояльности Высокой Порте. Крымским ханством правил тогда ярый враг России Девлет гирей. Ушло немало времени на то, чтобы понудить Девлета к бегству, заменить его более покладистым Шагин гиреем и добиться его признания Высокой Портой. Но и с ним дело не заладилось. По причине распрей в крымской элите он трижды скрывался под сень российских войск, но Потемкин возвращал его на престол. Он вздумал учредить в Крыму регулярную армию, что встретило полное непонимание со стороны подданных. Начавшееся строительство церковей встретило сопротивление мусульманского духовенства. Шагин пытался ограничить права знати, он перераспределил в свою пользу доходы от поступающих налогов и тем самым еще более подорвал свое положение. В октябре 1777 г. разразилось восстание, и российскому командованию пришлось его подавлять.

Через год у крымских берегов появилась турецкая эскадра с явным намерением вернуть все на круги своя. А.В. Суворов потребовал соблюдения 40-дневного карантина и тем пресек османские планы. Турецкий адмирал ни с чем отправился домой.

В 1779 г. Высокая Порта прекратила сопротивление и признала ханское достоинство Шагина. Российские войска оставили Крым, сочтя конфликт исчерпанным. В 1782 г. братья хана подняли мятеж, и тот бежал в форт Петровский на Азовском море под защиту российских войск. Потемкину пришлось водворять его в Кафу (Феодосию).

В Петербурге подвели плачевные итоги крымской самостоятельности: казна потратила 7 млн. рублей, армия понесла значительные потери²². Решено было присоединить полуостров к державе, желательно мирным путем. Состоялось собрание и знати, и простых людей. Собралось несколько тысяч человек. Организаторы заглянули в Коран, чтобы уточнить, какие напитки пророк Мухаммед запретил к употреблению. Пришли к выводу, что речь идет о вине, поскольку водка в VII в. была неведома человечеству. Знать на пиру пила английское пиво, простые люди – водку в изрядном количестве. Шагин гирей сложил с себя ханское достоинство. Был зачитан составленный Потемкиным манифест с призывом присягнуть на верность скипетру России. Первыми присягу на Коран принесли представители знати, затем наступила очередь простого люда. Екатерина просила передать верным подданным уверение в непререкаемой к ним милости и благоволении при соблюдении неприкосновенности их прирожденной веры²³. Так в апреле 1783 г. произошло вхождение Крыма в состав России. Мурзы получили дворянское достоинство, их склонность к мятежам осталась в прошлом.

* * *

Очередной войне 1787–1791 гг. с Турцией предшествовала представленная посланнику Я. Булгакову нота провокационного характера, в которой предлагалось вернуть Османской империи Крым и признать Кючук-Кайнарджийский трактат недействительным. Дипломат отказался принять ее, и был заточен в Семибашенный замок. 13(24) августа Высокая Порта объявила состояние войны с Россией.

Война велась при совсем ином раскладе сил, нежели предшествовавшая. Австрийский кайзер Иосиф II убедился, что он не в состоянии ни предотвратить прорыв России на Балканы, ни помешать ему. Оставалось присоединиться к России. Он вступил в союз с Екатериной, но военных успехов добиться не сумел и заключил с Портой сепаратный мирный договор. Однако благоприятное для России изменение позиции Австрии не

²¹ Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков. – Исторические записки, т. 40. М., 1952, с. 274.

²² Fisher A. Op. cit., p. 90–95.

²³ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999, с. 249.

могло уравновесить резкого ухудшения отношений с Великобританией. Лондон просил предоставить 20 тыс. солдат для подавления мятежных североамериканских штатов, провозгласивших в 1776 г. свою независимость. Екатерина ответила, что ее солдаты служат Отечеству, и она не сдает их в наем на роль пушечного мяса. Этого ей не простили.

В 1788–1790 гг. на войну с Турцией наложилась война со Швецией. Переданные королем условия мира ошарашивали: возвращение Швеции части Карелии, включая Кексгольм, разоружение Балтийского флота, шведское посредничество в русско-турецких переговорах о мире с условием, что Крым вернется в состав Османской империи. Наступление шведских войск было повсеместно отбито, король Густав пал жертвой покушения, со Стокгольмом был заключен мир на условиях статус-кво анте беллум.

Война с Турцией продолжалась. Никогда еще российское оружие не покрывало себя такой славой. Высоко взошла полководческая звезда Александра Васильевича Суворова. Мастером крупных операций проявил себя Г.А. Потемкин. Были взяты крепости Кинбурн и Очаков, последняя – под руководством Потемкина. В 1789 г. Суворов одержал блистательную победу в Рымникском сражении. Царица ждала от него и других вестей. Наконец поступила лаконичная по обыкновению записка, датированная декабрем 1790 г.: “Слава Богу, слава Вам! Измаил взят, и я там”. За ним последовала очередь крепости Мачин уже в Болгарии.

В 1791 г. вырисовалась новая угроза. На помощь Турции, а по сути дела ради сохранения над христианами мусульманского владычества, собирались выступить Великобритания и Пруссия. В Портсмуте снаряжалась для похода на Балтику эскадра в 40 линейных кораблей. В конце марта премьер-министр В. Питт отправил в Берлин текст ультиматума двух держав к России с требованием отказаться от присоединения междуручья Буга и Днестра. Срок – 10 дней, в случае отказа – разрыв отношений и война.

Питт допустил грубейший политический промах, проигнорировав настроения в стране. Мало кто в ней хотел воевать ради затерявшегося в европейской глуши Очакова. В завязавшейся дискуссии воинственно настроенные потерпели полное поражение. Очинили свои перья и сотрудники российского посольства во главе с С.Р. Воронцовым. Они снабжали диспутантов материалами, рисовавшими в радужном свете извлекаемые Британией выгоды от торговли с Россией, и в самых мрачных тонах – перспективы при ее прекращении. Правда, по скромности они выступали инкогнито. Воронцов успокаивал императрицу: “Парламент сам собою, противу общей ненависти всей нации, не может поддержать никакого министра”²⁴. Снаряжение флота в поход приостановилось. Ультиматум вернули с полдороги. Ясский договор был подписан 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.). Высокая Порта признала вхождение Крыма в состав России, к ней отошло междуручье Буга и Днестра. На Кавказе границей осталась река Кубань. Высокая Порта обязалась не допускать набегов жителей левобережья на правый российский берег реки.

В отечественной историографии оценка договору дается с критическими нотками, результаты войны не соответствовали понесенным жертвам и величию побед. Но надо учитывать, что угроза столкновения с Англией, Пруссией и Польшей была вполне реальной, а страна находилась в состоянии войны с Турцией и Швецией. Следует помнить, что война велась не ради приобретения и добычи, а во имя освобождения христианских народов. В занятых областях жителей не приводили к присяге, а брали с них клятву, что они за веру и верность свою подвизаются²⁵. И, пожалуй, главное: Ясский договор подтвердил и тем самым утвердил те положения Кючук-Кайнарджийского трактата, которые способствовали обретению Россией прочной опоры в православном населении, вели к подрыву власти Высокой Порты и в конечном счете предвещали падение Османской империи.

²⁴ Станиславская А.М. Англо-русские отношения в конце XVIII века. – Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 12. М., 1957, с. 119.

²⁵ Виноградов В.Н. Век Екатерины II. – Первое сентября. Приложение: история, 2000, март, № 10, с. 13.

Безбрежный экспансионизм Французской революции не пощадил и Юго-Восточной Европы. В 1798 г. французы вторглись на Ионические острова в Средиземном море близ Греции. В Стамбуле воцарился большой страх. Реис-эфенди Ахмед Азиф паша признавался российскому посланнику В.С. Томаре: “Война с Францией – это вопрос о существовании Османской империи и ислама вообще, так как французы идут сокрушать всеобщие правила, престолы, веру и все, что есть священного на свете”.

В мае того же 1798 г. началась Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта. Египет входил в состав Османской империи. В битве у Пирамид генерал Бонапарт разгромил войско египетских правителей. В сентябре султан Селим III объявил Франции войну. В его отношениях с Россией произошла крутая перемена. Моряки прибывшей в Стамбул эскадры Ф.Ф. Ушакова были поражены теплотой приема. Султан Селим инкогнито посетил флагманский корабль, адмирал получил щедрое вознаграждение. Султан дал санкцию на свободный проход судов под Андреевским флагом через проливы Босфор и Дарданеллы. Сам государственный канцлер Российской империи князь А.А. Безбородко изумлялся: “Надо же было вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какую я не только на своем министерстве, но на веку своем видать не чаял, союз наш с Портою и переход флота нашего через Канал”²⁶. Еще до заключения договора объединенная русско-турецкая эскадра под командованием Ушакова приступила, и вполне успешно, к изгнанию французов с Ионических островов.

23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) состоялось подписание оборонительного союзного трактата сроком на восемь лет. Российские военные корабли получали право свободного прохода через Проливы, что запрещалось всем прочим. Самодержавие гарантировало Высокой Порте целостность ее владений. Султан засвидетельствовал отсутствие у него каких-либо территориальных притязаний к России²⁷.

Наполеон бросил свою армию на произвол судьбы в Египте и вернулся во Францию утверждаться у власти. Покинутое войско сдалось англичанам в 1801 г. Египетская авантюра провалилась. Турецкие чиновники перестали опасаться нашествия французов. Французский посол в Стамбуле генерал Е. Брюн, по словам его российского коллеги А.Я. Италинского, приступил к “повреждению существующего между Россией и Портою доброго согласия”, намекая, что союз с Францией “может послужить возвращению Порте Крыма”²⁸. Генерал пустил в ход дипломатический козырный туз, ничего более желанного для турок не существовало.

Отечественной дипломатии все же удалось в 1805 г. добиться подписания нового договора с Турцией. Стороны обязывались помогать друг другу вооруженными силами или деньгами в случае нападения на одну из них, Черное море объявлялась закрытым для военных судов всех прочих держав. Попытка Александра I побудить Высокую Порту пойти на расширение прав христиан успеха не имела²⁹.

Дела антифранцузской коалиции шли хуже некуда. После проигранной битвы при Аустерлице (ныне – Славков в Чехии) Австрия подписала тяжелый мирный договор. В 1806 г. была разгромлена Пруссия. На континенте Россия осталась в полном одиночестве против Наполеона – властителя Франции, Италии, Швейцарии, протектора Рейнского союза и прочая, прочая. Важно было не упустить Порту. При дворе султана состоял способный французский дипломат генерал О.Ф. Себастиани. Он и соблазнял, и запугивал османов: война при опоре на Францию сулит им Крым. К чему колебаться? С помощью своей супруги-креолки он установил связи с сералем, где влиянием пользовалась другая креолка, мать будущего султана Махмуда IV. Российские дипломаты

²⁶ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах 1683–1914. М., 2010, с. 158–159.

²⁷ Текст договора см. *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1962.

²⁸ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах, с. 174.

²⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX в., т. 3. М., 1961, с. 697.

сознавали, что нельзя дожидаться, пока Порты ринется в объятия Бонапарта. Лазутчики представляли занятие Дунайских княжеств чем-то вроде увеселительной прогулки, за которой не последует войны. Последним аргументом в пользу действия явилась записка генерала И.И. Михельсона, командующего Дунайской армией: “Замыслы французов на Молдавию и Валахию явственны, ежели мы не упредим их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили”³⁰. Император Александр колебался, но в октябре 1806 г. отдал приказ занять Дунайские княжества. 18(30) декабря Высокая Порты объявила России войну. Ответного манифеста не последовало. Возможно, император надеялся, что все ограничится конфликтом, который афишировать не следовало. На самом деле необъявленная с российской стороны война продолжалась пять с половиной лет. Наличных сил не хватало даже на штурм Балканских гор.

После неудачного сражения в 1807 г. в Восточной Пруссии под Фридрихсборгом состоялась попытка примирения с Наполеоном. Но договориться о сносных условиях мирного сосуществования с завоевателем не удалось. Ненасытный корсиканец расправился с испанцами, в 1809 г. последовал разгром австрийцев в четвертой по счету войне. На очереди стояла Россия.

Наступил 1812 год. Последний по счету командующий Дунайской армией М.И. Кутузов сумел заключить с Турцией мир перед самой схваткой с Бонапартом. О том, какое значение Александр I придавал этой акции, можно судить по собственноручному письму самодержца полководцу от 22 марта (3 апреля) 1812 г.: “Великую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительно взываю Вас любовью к своему Отечеству обратить все внимание и все усилия Ваши к достижению цели. Слава Вам будет вечная”³¹.

По подписанному в Бухаресте 16(28) мая мирному договору река Прут со входа ее в Молдавское княжество и до впадения в Дунай и ее Килийское устье до Черного моря составляли границу между двумя империями. Мирный акт предусматривал предоставление автономных прав Сербии. Россия сохранила за собой присоединившуюся добровольно Грузию. Император Александр ратифицировал трактат в Вильно накануне (буквально!) вторжения великой армии Наполеона в Россию. Здесь эта армия и нашла свою гибель. Когда начался освободительный европейский поход российской армии, мог ли Наполеон цепляться за свои позиции на Балканах?

Флот его величества очистил Ионические острова от французских гарнизонов, и они вошли в состав Британской империи. Кабинет вооружился доктриной статус-кво, предусматривавшей сохранение в регионе власти и влияния Османской империи в противовес российскому курсу на освобождение “турецких христиан”. Развернулась “большая игра европейской политики”.

В начале XIX в. на Балканах бушевали восстания, турецкое господство явно изжило себя. Сербия стала ареной двух восстаний – 1804–1813 и 1815 гг., в Валахии произошло восстание Тудора Владимиреску (1821 г.), Греческая национально-освободительная революция продолжалась девять лет (1821–1829 гг.). При таком положении вещей неизбежно сталкивались два курса политики: британский и иже с ним и российский. Первый с предельной ясностью и цинизмом выразил австрийский канцлер К. Меттерних: “За нашими восточными границами триста или четыреста тысяч человек, повешенных, расстрелянных или посаженных на кол считаются ни во что”³². Казалось, сопротивлению Европы российским инициативам в поддержку греков конца не будет. Призывы прийти сообща на помощь гибнущему христианскому народу звучали гласом вопиющего в пустыне. Разрыв дипломатических отношений с Высокой Портой в 1821 г. впечатления не произвел.

Точкой отсчета в изменении ситуации можно считать 1822 г. Глава Форин оффиса Р. Каслри, единомышленник К. Меттерниха по взглядам, покончил жизнь самоубийс-

³⁰ Петров А.И. Война России с Турцией 1806–1812 гг., т. 1. СПб., 1885, с. 59.

³¹ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах, с. 197.

³² Там же, с. 233.

твом. Ему на смену пришел личный враг (в молодости они сразились на дуэльных pistols) Д. Каннинг, крупнейший английский политик XIX столетия, человек более прогрессивных взглядов, критически относящийся к Священному союзу. Будучи не чужд увлечения поэзией, он в одном стихотворении пролил слезу по поводу страданий греков. В служебной ипостаси он не был столь отзывчив к эллинам и действовал в рамках дозволенного отношениями с Портой, но все же кое-что сделал. В 1823 г. он признал греков воюющей стороной, что последние высоко оценили. В Лондон прибыли их представители. В официальном качестве их не признали, но разместить крупный заем им удалось. Однако Высокая Порта оставалась основным объектом внимания и влияния Лондона. Добиться ее примирения с греками следовало с наименьшим ущербом для ее власти. Доходившие из Петербурга сообщения о растущей готовности пойти на войну с Турцией вызывали тревогу и раздражение, разгрома последней в Лондоне не желали. Следовало предложить самодержавию свою дружбу, чтобы уменьшить его активность, вовлечь в совместные действия, в ходе которых воспрепятствовать его решительным и односторонним действиям в пользу греков. И Каннинг стал посещать салон Дарьи (Доротей) Христофоровны Ливен, супруги российского посла и сестры будущего шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа.

В ноябре 1825 г. в Таганроге скончался вечный странник на престоле Александр I. На престол взшел Николай, хотя по старшинству наследником числился Константин. Лишь немногие знали, что тот заранее отказался от короны. Нового монарха воспитывал не швейцарский просветитель Лагарп, как старших братьев, а прибалтийский солдат фон Ламздорф. Николай не сталкивался с дипломатией конгрессов, был решителен по характеру, и не существовало лучшего средства для создания ему репутации, для обретения авторитета, начисто отсутствовавших у молодого гвардейского офицера, чем победоносная война с Турцией, которая предвещала сложную международную обстановку. В Петербурге обратили внимание: король конституционной Англии в тронной речи одобрительно отозвался о мнимой умеренности самодержца в расправе над конституционалистами-декабристами.

Весной 1826 г. Каннинг снарядил в Петербург фельдмаршала герцога А. Веллингтона с предложениями о сотрудничестве двух держав в урегулировании балканских, и прежде всего греческих, дел. Более удачного выбора для бесед с Николаем I, чем знаменитый полководец, сделать было невозможно. Правда, упустили из виду, что даже намеком на дипломатический талант прославленный солдат не обладал. Каннинг снабдил его ворохом инструкций, содержавших запрет на какие-либо принудительные меры в отношении Турции, не говоря уже о войне. Российская сторона была солидарна с британскими планами образования автономной Греции, но расходилась в отношении способа достижения цели. Переговоры, не подкрепленные более убедительными аргументами, выродились в бесконечную говорильню. Отстоять британские позиции Веллингтону не удалось, он не отвел угрозу войны, а скорее приблизил ее³³.

Визит увенчался подписанием протокола от 23 марта (4 апреля) 1826 г. Греции предоставлялись широкие автономные права, ее обязательства в отношении Османской империи ограничивались выплатой дани. Важнейший с российской точки зрения третий параграф гласил: в случае неудачи посредничества стороны будут считать изложенные условия за “основание для примирения, имеющее состояться при их участии, общем или единоличном, между Портой и греками”. Запрета на военные действия при единоличном участии он не содержал. Протокол фиксировал отказ России и Великобритании от всяких завоеваний на Балканах. Стороны, говорилось в нем, не будут искать никакого увеличения своих владений и никаких выгод для своих подданных³⁴.

³³ Stapleton A.J. The Political Life of George Canning, v. 2. London, 1881, p. 469–474.

³⁴ Виноградов В.Н. Герцог А. Веллингтон в Петербурге. – Балканские народы и европейские правительства XVIII–XIX веков. М., 1982, с. 123; *его же*. Великобритания и Балканы от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985, с. 77–79.

Режим Реставрации во Франции решил присоединиться к англо-российской договоренности. 6 июля 1827 г. была заключена конвенция трех держав, в секретной статье которой предусматривались принудительные меры для склонения Высокой Порты к уступкам, правда, без четкого их определения. Перестраховки ради, Лондон проявил инициативу по подписанию еще одного документа, вошедшего в историю под именем протокола о бескорыстии (декабрь 1827 г.), в котором стороны еще раз засвидетельствовали отсутствие у них поползновений на балканские земли. В греческие воды прибыли эскадры трех стран с целью воспрепятствовать снабжению турецко-египетских войск боеприпасами. Адмиралы действовали решительно и 8(20) октября 1827 г. в пух и в прах разгромили неприятельский флот в битве при Наварине.

При вести о славной виктории в Петербурге ударили в колокола. А в Лондоне премьники скончавшегося к тому времени Каннинга досадовали, считая, что слишком уступили Петербургу. Король Георг IV в тронной речи назвал великую битву досадным происшествием. А Высокая Порта еще более обострила ситуацию, потребовав у троицы извинения за разгром своего флота и возмещения ущерба. Пойти навстречу притязаниям означало признать великую битву актом морского разбоя, на что ни Лондон, ни Париж, не говоря уже о Петербурге, пойти не могли. Три державы разорвали с Турцией дипломатические отношения. Правительства Великобритании и Франции очутились в пикантном положении, российская дипломатия подвела их к порогу войны, крайне им нежелательной. Но после подписания трех международных актов и Наваринского сражения они не могли выступать в защиту Порты.

Война 1828–1829 гг. выдалась напряженной и кровопролитной. Великий князь Михаил Павлович (армейское прозвище – Рыжий Мишка) не сумел организовать осаду крепости Силисоа на правом болгарском берегу Дуная. Тысячи солдат и офицеров погибли в поспешных и плохо подготовленных штурмах.

На театре военных действий появился и Николай I. Его свита насчитывала сотни людей, ставка именовалась в армии Золотой Ордой, конский состав, ей приданный, доходил до 10 тыс. (этого хватило бы на формирование двух кавалерийских дивизий).

Союзники-соперники забили отбой, их послы вернулись в Стамбул. Газеты соревновались друг с другом в сочинении небылиц о необузданной агрессивности русского медведя. Но два посла вели переговоры от имени всей троицы, что отражалось на их содержании. В Лондоне возобновились совещания трех держав. Кампания 1829 г. развертывалась победоносно, глава министерства иностранных дел К.В. Нессельроде подводил итоги зимы с удовлетворением: “державы парализованы”, “видимость союза”, зловредные замыслы пресечены (характерная формулировка!), что оказывает оздоровительный эффект на ситуацию, “обеспечена безопасность”. В Лондоне возобновились совещания представителей держав.

Министр, пожалуй, несколько приукрашивал положение. Напряженность не спадала. Послы союзников-соперников из Константинополя запугивали самодержца последствиями, могущими произойти в случае крушения султанской власти: распространится ужасающая анархия, баланс сил на континенте рухнет.

Генерал И.И. Дибич стремился “самым вежливым образом” избегать постороннего вмешательства в переговоры: никаких перемирий, дружеских советов по ходу урегулирования. 2(14) сентября Адрианопольский трактат был подписан. Граница между империями по-прежнему проходила по рекам Прут и Дунай, что позволяло считать его условия умеренными. Правда, к России отходило устье великой реки. Статья седьмая санкционировала свободное судоходство по Черному морю, Босфору и Дарданеллам для торгового флота всех стран, что должно было способствовать хозяйственному развитию южнороссийских земель. В Закавказье к России отходил “весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Святого Николая включительно”. Условия договора свидетельствовали, что самодержавие считало принятые на себя обязательства в отношении Балкан подлежащими неуклонному исполнению.

Договор предусматривал расширение и укрепление автономных прав Дунайских княжеств, предоставление Сербии внутреннего самоуправления. Греции посвящалась

10-я статья трактата. Порта обязывалась принять решения трех держав по греческому вопросу к исполнению, что позволило в 1830 г. провозгласить независимость Греческого королевства. Возобладала английская модель решения вопроса, при которой греки, перестав быть турецкоподданными, лишались покровительства России.

Петербург торжествовал. Балканы вступили в полосу быстрого экономического, политического и культурного подъема, нареченного балканским ренессансом. Так, в Молдавии и Валахии провозглашалась свобода богослужения, вводилось (на словах) “народное независимое правление”, им предоставлялось право беспрепятственной торговли. Подтверждался принцип избрания господарей чрезвычайными боярскими собраниями, но не на семь лет, как прежде, а пожизненно. Смещаться князья могли лишь за доказанные преступления и с согласия царского двора. Порта запретила своим пашам всякое вмешательство в дела княжеств. Турецкие крепости были срыты и вместе с окружающими их землями, ранее управлявшимися непосредственно из Стамбула, вошли в состав княжеств. Возрождались национальные вооруженные силы. Проживавшие в Молдавии и Валахии мусульмане подлежали выселению. Жителям правобережья Дуная запрещалось переправляться через реку³⁵. Российским консулам было предписано ограждать княжества от турецких поползновений. Все эти меры, серьезно укрепившие права и привилегии княжеств (за исключением правления, оставшегося боярским), претворялись в жизнь.

В послевоенные годы во главе управления Молдавией и Валахией стоял просвещенный вельможа генерал П.Д. Киселев. Было покончено со средневековой структурой власти, вступили в силу Органические регламенты, конституционные акты современного европейского уровня, появились правительства в виде советов министров, развитая судебная система, бюджеты в сфере финансов, полицейские, прежде существовавшие за счет поборов с населения, были посажены на жалование.

Но существовала и обратная сторона медали. Власть в княжествах принадлежала феодальному боярскому сословию. Крестьянские надельные сокращались, малоземелье деревни нарастало, административный аппарат разведался коррупцией, князья стремились к личной власти и допускали произвол.

Самодержавию пришлось убедиться в очень неприятной для него истине. Передовые силы общества на Балканах в своем развитии ориентируются не на Россию, а на Запад. Режим самодержавия не отвечал их чаяниям, формула “Православие, самодержавие и народность” их не устраивала. Они рвались к представительной и конституционной системе Запада. Соображения идеологические сочетались с материальными. И в России, и на Балканах – земледелие с зерновым уклоном. Товарообмен с обеих сторон еле теплится. Иное дело Запад с его объемным рынком продовольственных товаров, большими кредитными возможностями и конституционными соблазнами.

Начиная с 30-х годов Лондон смог потеснить Россию в дипломатических взаимоотношениях с Турцией. В 1838 г. был заключен англо-турецкий торговый договор, лишенный каких-либо следов равноправия сторон. Британские промышленные товары, почти не встречая таможенных преград, потоком хлынули на османский рынок. В том же году англо-турецкая эскадра маневрировала у средиземноморских берегов Малой Азии. А вблизи ее черноморских берегов одиноко плавали корабли под Андреевским флагом. Англия одерживала верх в борьбе за влияние в Османской империи.

Видная американская балканистка проф. Б. Елавич писала о необыкновенной трудности для любой страны, и тем более коалиции, развязать в XIX столетии войну с Россией. Ни к кому она не предъявляла требований, ни на чьи земли не покушалась. И все же Великобритании удалось преодолеть все препятствия на пути к Крымской войне. В начале 50-х годов наметился кандидат в союзники в лице французского императора Шарля Луи Наполеона Бонапарта, племянника великого Наполеона. Он вознамерился взять реванш за разгром великой армии своего дяди в России в 1812 г., повлекший за собой падение наполеоновской империи. И не существовало лучшей возможности

³⁵ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, с. 74, 80–84.

для достижения желанной цели, чем примкнуть к Великобритании в ее уже длившемся десятилетия противостоянии с Россией на почве балканских и ближневосточных дел. Лондон это устраивало. Вместо длительной и утомительной осады российских позиций предстоял их стремительный штурм прославленной французской пехотой. Неожиданно в составе союза оказалось и Сардинское королевство (Пьемонт). Самодержавие нигде, никогда и ни в чем не ущемляло его интересов. Однако глава Сардинского правительства граф Камилло Бензо Кавур знал, что делает. Он мечтал попасть в так называемый концерт держав, заправлявших делами в Европе, приобщиться к рангу великих путем участия в заключении мирного договора после войны, для чего следовало послать хотя бы дивизию в Крым. После войны Сардиния, быстро превратившаяся в Италию, в “концерте” действительно участвовала, о чем такие крупные государства, как Швеция и Испания, и мечтать не смели.

Николай I и в надвигавшейся войне собирался придерживаться прежних принципов в отношении Балкан, вполне отвечавших российским интересам: “Мы отказываемся от всякого завоевания, признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, подпавших несколько веков назад оттоманскому игу”. Подобного рода свидетельства оставались на архивных полках. Европейской общественности события представлялись в кривом зеркале. Лидер Палаты общин Д. Рассел выступил с громовой речью: “Надо вырвать клыки у медведя. Пока его флот и морской арсенал не разрушены, не будет в безопасности ни Константинополь, ни мир в Европе”³⁶. Печать сообщала о намерении Петербурга лишить султана власти над 14 млн. его подданных христиан.

Николай I считал Австрию обязанной ему за помощь в подавлении в 1849 г. революции в Венгрии. Молодой кайзер Франц Иосиф представлялся ему признательным протеже. Тот придерживался иной точки зрения и полагал предательство непременным атрибутом внешней политики. В письме своей матери, эрцгерцогине Софии, 23-летний Габсбург откровенничал: “Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе. Наш естественный противник на Востоке – Россия”. В предшествовавшие Крымской войне месяцы венская дипломатия шла во всех демаршах в ногу с антироссийской коалицией. Отсюда – эмоциональные эпитеты царя Николая в адрес канцлера К. Буоля: “Он что, рехнулся?”, “Мерзавец!!!”, “Каналья!!!”, “Негодяй!”³⁷. Правда, в последний момент Вена решила, что можно извлечь выгоду и не прибегая к оружию, надула партнеров и осталась в их глазах “проклятым нейтралом”.

Венец войны – 349-дневная оборона Севастополя. Восхищения мужеством его защитников не скрывали даже враги. Но французский реванш за 1812 г. выглядел жалко, если не сказать карикатурно.

27 сентября (8 октября) 1855 г. состоялся шестой и последний штурм Севастополя. Французы, британцы, турки, итальянцы шли на приступ на 12-ти направлениях. На 11-ти нападающие были отбиты с тяжелыми потерями. Атака англичан на третий бастион, как и все прежние, захлебнулась в крови. Три раза их цепи сметались ураганным огнем. Они отступили, оставив на поле боя 2,5 тыс. убитых и раненых. Французов от Малахова кургана, высоты, господствующей над Севастополем, отделяло менее 40 метров. На кургане произошла ожесточенная рукопашная схватка. Вытеснить атакующих с позиции не удалось.

Ночью по приказу генерала М.Д. Горчакова состоялось отступление войск с Южной стороны города на Северную. Свидетель описывал отход: полк следовал за полком, “солдаты едва бредут, чуть ли не падая под тяжестью оружия”, другие несут павших, третьи тащат изможденных страдальцев, покрытых ранами, иные везут на руках тяжелые пушки, иногда, смертельно устав, перекрестясь, сталкивают их в море, будто горя любимого товарища³⁸.

³⁶ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1903, с. 643, 644.

³⁷ Российский государственный архив древних актов, ф. 1292, д. 6, л. 74, 80.

³⁸ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах, с. 309.

На Южной стороне не осталось ни одного целого дома, все сожжены и взорваны. Неприятелю достались только камни, щебень и пыль. После занятия противником части небольшого города Севастополя с населением в 40 тыс. человек военные действия по большому счету окончились. Оба союзных командующих, генералы Ж. Пелисье и Д. Симпсон, считали попытку прорыва из Крыма опасной авантюрой. Первый грозил отставкой в случае получения подобного приказа.

В декабре 1855 г. Наполеон преподнес Лондону неприятный сюрприз, сообщив, что денег на войну у него хватит до следующей весны. Посетив Париж, глава Форин оффиса лорд Д. Кларендон счел, что “эти французы рехнулись на почве страха и жульничества и только визжат о мире; боюсь, что император столь же деморализован, как и его правительство”³⁹. В такой отнюдь не триумфальной атмосфере союзники готовились к миру.

Спешил с заключением мира и молодой император Александр II. Война с Англией имела свои неприятные особенности, она могла длиться долгие годы и даже десятилетия, России грозил не военный разгром, а хозяйственное разорение и финансовый дефолт в результате блокады ее берегов и портов и перерыва в торговле. А страна стояла на пороге великих реформ, прежде всего отмены крепостного права. При Николае I девять раз ставился вопрос об этой мере, но дело с места не сдвинулось. Царь боялся оппозиции дворянства, не забывая о судьбе деда и отца.

Крымская война продемонстрировала крайнюю отсталость хозяйственного развития России, что сказалось на вооружении армии и на военных действиях. Дворянство смирилось с необходимостью проведения этой меры. Но военное лихолетье – самая неподходящая пора для преобразований.

18(30) марта 1856 г. в Париже состоялось подписание мирного договора. Самодержавие отказалось от особых прав в отношении православного населения Османской империи, оно было поставлено под общую гарантию участников конгресса. Подтверждался запрет на прохождение военными кораблями проливов Босфор и Дарданеллы. От России были отторгнуты три южных уезда Бессарабии, административно включенные в Молдавское княжество как часть Османской империи. Россия утратила доступ к устью Дуная.

Шумная кампания об опасности появления судов под Андреевским флагом на водных путях вылилась в запрет России содержать флот на Черном море. На самом деле никакой необходимости в запрете не ощущалось. Сама природа позаботилась о том, чтобы российские военные суда могли проходить Черноморские проливы лишь с турецкого разрешения. Босфор и Дарданеллы – узкие протоки, по обоим берегам которых размещались сотни османских тяжелых орудий. Ни один флот в мире не мог прорваться через эту завесу. Из пушек можно было стрелять в упор хоть зажмурив глаза без риска промахнуться по бронированным громадам. Во время Первой мировой войны в 1915 г. британцы при поддержке французов пытались проникнуть в Дарданеллы, но стали жертвами страшного побоища.

Вполне реальной представляется другая, неафишированная цель наложенного на Россию запрета: отсутствие флота в крайней степени осложнило защиту южных морских рубежей державы.

Ни одна страна, обладающая чувством собственного достоинства, с подобным попарением своих суверенных прав согласиться не может. М.Н. Погодин вскоре после заключения договора писал: “Чем же вы прикажете защищать России свои берега без флота, без крепостей, без арсеналов? Пьеса еще не вся, спустился занавес по окончании одного действия, игра не прекратилась. Вопрос не решен. Настоящий мир есть во всяком случае временный”⁴⁰. О. Бисмарк пророчил учиненному в Париже деянию быструю кончину: “Сто миллионному народу нельзя навсегда запретить осуществлять естест-

³⁹ Maxwell J.T. Life and Letters of G.W.F. Clarendon, v. 2. London, 1913, p. 101–104.

⁴⁰ Погодин М.Н. Комментарий. – Дубровин Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя. СПб., 2005, с. 343, 342.

венное право над побережьем” и подвергать его “невиданным унижениям”⁴¹. В статьях трактата, относившихся к Османской империи, западные миротворцы проявили полное непонимание того, что наряду с европейски-христианской системой развития существует исламская цивилизация со своими законами. Модернизацию Турецкой державы они свели к ее европеизации. Мусульманская масса не воспринимала идеи равенства с “неверными”, задуманные на европейский лад реформы были обречены на провал. По замечанию одного российского консула, явись перед судьей-кади хоть римский папа в тиаре, он проиграл бы дело. Таково выглядело правосудие по-османски.

Для христиан держава султанов никогда не была матерью родной, а всегда злой и постылой мачехой. 400 лет существования на положении райи (стада, по-арабски) – не забывается и не прощается. Не к слиянию в единой османской нации, разноплеменной и многоконфессиональной стремилось православное население, а к восстановлению своей попоранной веками назад государственности. Каждый шаг в расширении своих прав оно использовало для пусть медленного, но все же несомненного подрыва силы, власти и влияния Высокой Порты. Подготовленный в Институте славяноведения очередной том “Истории Балкан” носит подзаголовок “Судьбоносное двадцатилетие 1856–1878”. Высокая Порта докатилась тогда до суммы в виде фантастического по размерам долга, обзавелась Оттоманским по названию и англо-французским по капиталу банком. Угасание Турецкой империи шло безостановочно.

На Парижском конгрессе французы вели себя скромнее прочих участников коалиции. Луи Наполеон скорректировал некоторые совсем уж несуразные пожелания своих британских и австрийских партнеров. После замирения удалось наладить контакт двух дипломатий на Балканах. Дружеские речи в Париже лились рекой, уста посла в Петербурге, молочного брата Луи Наполеона, О. Морни, источали мед. Но тот же режим Второй империи встал на страже постылых для России условий трактата, и в первую очередь запрета на содержание флота на Черном море. Появление военных кораблей в Севастополе ни малейшего ущерба французским интересам не наносило, ибо, как сказано выше, они были заперты в акватории Понта Эвксинского. Послы в Петербурге порой советовали начальству в Париже быть по-покладистее. Но итоги Крымской войны преподносились общественности как триумф и достойное отмщение за 1812 г., за которым последовали сплошные неудачи во внешней политике. А в Петербурге при любом обострении обстановки появлялся высокий прусский представитель с заверением – его страна ни в малейшей степени не заинтересована в сохранении условий договора.

Расплата пришла в 1870 г. Прусские войска под Седаном нанесли французам поражение, равносильное национальной катастрофе. По мирному договору Франции пришлось расстаться с двумя провинциями, Эльзасом и Лотарингией, и выплатить громадную контрибуцию. Никто не пришел стране на помощь, ни союзников, ни друзей у нее не оказалось, никто пальцем не пошевелил в ее поддержку. Париж восстал, режим Второй империи был свергнут. Эмиссар находившегося в бегах правительства А. Тьер отправился по столицам просить о помощи. Канцлер А.М. Горчаков приветствовал его скорбно – поздно. Встретили его ласково и сочувственно, разве что соболезнований не выражали, чтобы не унижать поверженную державу: “Вы найдете здесь живые симпатии к Франции, порожденные предпочтением, питаемым в России к Вашей родине, и старую общностью интересов, давно забытых”. Констатация забытых интересов содержала и намек, и упрек⁴².

Наполеон свергнут, Франция расплачивается за его пренебрежение к интересам России, за его рвение на страже Парижского мира 1856 г. Выстраивалась логическая цепь: осада и штурм Севастополя – Парижский договор – режим Луи Наполеона, рьяно охраняющий неприемлемые для России статьи, отсутствие условий для тесного сотрудничества и союза, который мог бы избавить Францию хотя бы от части сыпавшихся на нее бедствий. Возможно, и навязанный ей в 1871 г. мир не был бы так невыносимо

⁴¹ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания, т. 2. М., 1940, с. 97.

⁴² *Татищев С.С.* Император Александр II, т. 2. М., 1996, с. 67–68.

тяжел. Успех под Севастополем прямиком привел к катастрофе под Седаном. Франция оказалась жертвою Крымской войны.

Не случайно именно после краха империи Луи Наполеона, верного и незадачливого часового Парижского договора 1856 г., Россия выступила за отмену самого неприятного его условия, запрета на содержание военного флота на Черном море. 15(27) октября 1870 г. в Царском селе состоялось заседание правительства под председательством царя. В том же месяце Горчаков разослал посольствам и миссиям циркуляр: Россия не считает себя больше связанной с наложенным на нее запретом. Таково решение императора. Последняя формулировка означала: отказа от изменения позиции не последует, откуда бы подобное предложение ни исходило.

Лишь позиция Пруссии была заранее известна как положительная, все прочие державы протестовали. 17 февраля 1871 г. в Лондоне собралась конференция. На полномочиях депутатов лежала печать оригинальности, если не сказать уникальности. Они могли одобрить царское решение, но не имели права его отклонить. Республиканское правительство Франции признавало, что цепляться за изживший себя трактат смысла не имеет. Его представитель скорее присутствовал на конференции, чем участвовал в ее работе. Австрийцы не разобрались в тонкости создавшейся ситуации и выступили с какими-то инициативами, на которые никто не обратил внимания. Британцы придумали формулу, позволившую им принять требуемое Россией решение. Оно, заявил их делегат, не означает немедленного изменения ситуации. Воистину так. Изменение ситуации произошло бы при появлении на Черном море флота под Андреевским флагом. А таковой отсутствовал. Корабли, как известно, с неба не падают и в мгновение ока не поднимают. Броненосная эскадра появилась на Черном море лишь в середине 90-х годов. И конференция дала санкцию на возрождение российского флота на Черном море, т.е. на меру, индивидуально ее участниками отвергнутую. Так пала самая негодная Отечеству статья Парижского договора 1856 г. Британская газета "Морнинг стар" подвела итоги: "Европейские державы с мечом, подвешенным над их головами, пошли на уступки. Россия с помощью пера достигла того, ради чего готова была применить силу. Она, и только она, может поздравить себя со счастливым результатом своей беспримерно дерзкой политики"⁴³.

* * *

В 1875 г. разразился Восточный кризис, который современники сочли очередным, а он оказался последним. Зачинщиками выступили жители Герцеговины и Боснии. Весной 1876 г. восстание охватило Болгарию, которое вошло в историю под именем Апрельского, хотя по новому стилю происходило в мае. Оно было потоплено в крови башибузуками, славившимися своей жестокостью. В июле Сербия и Черногория объявили войну Высокой Порте. Сербская армия потерпела поражение, хотя в ее составе сражались 5 тыс. добровольцев из России, в том числе много офицеров, которым сохранялись чины и выслуга лет на родине. Турецкие войска под командой Нури Османа паша, будущего защитника Плевны, остановил вблизи Белграда ультиматум из Петербурга с угрозой разорвать дипломатические отношения с Высокой Портой.

Проблеск надежды на мирное урегулирование мелькнул в декабре 1876 г. В Стамбуле на конференции собрались представители держав. В ходе предварительных консультаций, еще до официального открытия форума, делегатам удалось договориться о программе реформ, устраивавшей российскую сторону: в Боснии, Герцеговине и Болгарии, правда, разделенной на две части, вступала в силу административная автономия, в них учреждались народные собрания с представительством от мусульман и православных, а в Боснии и Герцеговине и католиков, вводилось местное самоуправление, создавались суды по уголовным и гражданским делам, упразднялись откупа, провозглашалась свобода вероисповедания.

⁴³ Correspondence Respecting the Treaty of March 1856. London, 1871, p. 14, 15, 28; АВПРИ, ф. Канцелярия, 1871, д. 85, л. 165, 168, 178.

И в Австро-Венгрии, и в Великобритании общественное мнение раскололось: далеко не все выступали за сохранение на окраине Европы вполне средневеково-азиатского режима. Представлялось, что Британия с ее морской мощью, высокоразвитой промышленностью, богатой казной и привлекательным для передовых кругов балканского общества конституционным строем сумеет прочно обосноваться в автономных областях, буде они появятся. Надо заботиться не о старом засохшем дереве, а о молодых цветущих и жизнеспособных саженцах. В кабинете ее величества подобных взглядов придерживался глава Форин оффиса граф Э. Дерби, выступавший за проведение в регионе умеренных, приемлемых для Высокой Порты реформ. Виднейший либеральный деятель В.Ю. Гладстон написал памфлет “Ужасы в Болгарии и Восточный вопрос”, переведенный на много языков, изобличив в нем не только прогнивший турецкий режим, но и его английских покровителей во главе с премьер-министром Б. Дизраэли, удостоенным титула графа Биконсфилда, и самой королевой Викторией. Завершался памфлет энергичным призывом: пусть османские власти “со всеми пожитками убираются из Боснии – Герцеговины, которые они опустошили и над которыми надругались, во имя памяти толп убитых, поруганной чести матрон, девиц и детей, во имя цивилизации, которую попирали и позорили, во имя законов Господа, или, если хотите, Аллаха, и общечеловеческой морали”⁴⁴.

А на конференции турки преподнесли ее участникам оглушительный сюрприз. В самый день ее официального открытия Савфет паша заявил, что его величество султан только что облагодетельствовал подданных конституцией, по которой они, независимо от вероисповедания, обладают равными правами, а потому христиане не нуждаются в каких-то особых привилегиях. Такого провала делегаты не ожидали.

Совещания дипломатов не прекратились. Но они все больше смахивали на топтание на месте. Становилось очевидно – только новая русско-турецкая война принесет южным славянам освобождение.

В ноябре 1876 г. Дизраэли выступил в резиденции лорда-мэра Лондона с речью, расцененной как предупреждение и угроза в адрес России: “Хотя политикой Англии является мир, не существует державы, более подготовленной к войне. Англия не та страна, которая, начиная кампанию, спрашивает себя, выдержит ли она вторую или третью”. Александр II решил дать ответ. Выступая в Кремлевском дворце, он сказал, что хотел бы достичь общего согласия, но если это окажется за рамками возможного, он “имеет твердое намерение действовать самостоятельно”⁴⁵. Царь был уверен: в этом случае вся Европа вновь “опрокинется” на Россию. Горчаков разделял эту точку зрения. Той же позиции в правительстве придерживались министры внутренних дел, государственных имуществ и финансов. Глава последнего ведомства, М.Х. Рейтерн, подал записку на высочайшее имя, в которой предсказывал в случае войны финансовый дефолт, хозяйственное разорение, рост революционного движения и вынужденное прекращение реформ. Рейтерн запросился в отставку, но получил отказ⁴⁶.

Общественность горой стояла за войну во имя освобождения южных славян. По всей стране собирались миллионные суммы пожертвований им в помощь. Трогательно читать о лепте людей, явно не обремененных большими доходами. Крестьяне селения Кукарки Вятской губернии пожертвовали 10, 3, 2 и даже 1 рубль, детишки посылали на нужды сербской армии подаренные им к празднику монетки.

Организованной оппозиции “партии войны” в стране не существовало, мало кто дерзал молвить слово поперек общему мнению. Ф.М. Достоевский в “Дневнике писателя” возглашал: “Великий восточный орел взлетел над морем. Не покорять, не расширять границы он хочет, а освободить и восстановить угнетенных и забытых, дать им всякую жизнь на благо человечества”. Противников войны он клеймил, называя их “общечеловеками” и “самооплевниками”⁴⁷.

⁴⁴ Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and the Question of the East. London, 1876, p. 51, 53, 62.

⁴⁵ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. Документы. М., 2008, с. 393.

⁴⁶ Толмачев А.П. Александр II и его время, т. 2. М., 1996, с. 115.

⁴⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений, т. 25. Л., 1983, с. 65, 94, 95.

Игнорировать напор общественности правительство не могло. Все понимали – без появления на сцене российской армии восстания будут задушены и османское ярмо восстановлено во всем своем отвратительном великолепии.

Стремление ограничить схватку привело к заключению в начале 1877 г. Будапештской конвенции с Австро-Венгрией, по которой последняя обещала соблюдать благожелательный нейтралитет в обмен на право оккупировать Боснию и Герцеговину в удобное для себя время. Самодержавие заранее приносило тяжелую жертву.

Петербург считал Вену очагом предательства и гнездилищем всякого рода интриг. Но все же в Зимнем дворце недооценивали степени коварства партнера по Союзу трех императоров. Габсбурги заранее подготовились к предательству. На совещаниях у кайзера Франца Иосифа и с его участием в январе 1875 г. и в ноябре 1876 г. обсуждался план нападения на Россию, когда царская армия застрянет на Балканах⁴⁸. В свете этих замыслов Будапештская конвенция превращалась в простую бумажку. Канцлер Д. Андраши вел себя так, как будто ее не существовало.

12(24) апреля 1877 г. Александр II подписал в Кишиневе Манифест о войне “во имя освобождения Болгарии и других балканских стран, освобождения прочного, бесповоротного”. Ответственность встретила весть с восторгом, ликующие толпы в Петербурге и Москве приветствовали войну. 14(26) апреля русские войска переправились через реку Прут и вступили в Румынию. Их встретили как освободителей. В глубокой тайне в предвидении события были подписаны две конвенции. Одна касалась перехода армии через страну. Князь Карл и кабинет министров обязывались оказывать этой операции всяческое содействие. Предусматривалось значительное снижение цен против обычных за перевозку по железной дороге. Вторая конвенция носила политический характер. Румыния как вассальное государство не имело права на ее заключение. Фактически самодержавие признавало в ней независимость княжества. Последний солдат почувствовал, что он здесь желанный пришелец. Вагон императора Александра утопал в цветах.

А румынское правительство ковало железо, пока горячо. 29 апреля (11 мая) палата депутатов парламента объявила состояние войны с Османской империей, 9(21) мая министр иностранных дел М. Когэлничану под бурные аплодисменты провозгласил независимость страны. Оставалось утвердить ее в огне сражений в союзе с Россией⁴⁹.

Реку Прут пересекла не старая николаевская, набранная по рекрутскому набору армия, а новая, сформированная на основе всеобщей воинской повинности с шестилетним сроком службы, вооруженная винтовками с нарезным стволом, с усовершенствованной артиллерией, с молодым поколением офицеров, проявивших интерес к военному искусству. Талантливыми военачальниками проявили себя И.В. Гурко, М.Д. Скобелев, М.И. Драгомиров, Н.Г. Советов. Военный министр Д.А. Милютин являлся крупным организатором. Но старое соседствовало с новым. Дунайским фронтом командовал великий князь Николай Николаевич, Кавказским – его брат Михаил, оба обязанные своим назначением не заслугам в военном деле и тем более не таланту, а близости к царской особе. Да и офицерский корпус был перегружен знатью, прибывшей на поле брани в надежде на чины и ордена.

На подступах к Балканам удалось сосредоточить ударный кулак в 185 тыс. солдат и офицеров, приблизительно равный по численности противостоящей турецкой группировке. На море господствовал неприятель, флота в Севастополе пока еще не появилось.

Наступление развивалось успешно. 15(27) июня форсировали Дунай. Гурко освободил древнюю болгарскую столицу Велико Тырново, удалось захватить важнейший Шипкинский перевал Балканского хребта.

Но сразу, наряду с двумя военными фронтами, появился и третий, дипломатический. Из Лондона поступила информация: Великобритания не сохранит нейтралитета, если военные действия станут угрожать Суэцкому каналу, Египту, Персидскому заливу, Черноморским проливам и Стамбулу. Интересы Британии были обрисованы с такой глобальной

⁴⁸ *Dioszegi J.* Die Aussenpolitik der Oesterreichischen Ungarischen Monarchie 1871–1877. Wien, etc., 1985, S. 323, 325, 326, 331.

⁴⁹ *Iorga N.* Politica externa a regelui Carol. Bucuresti, 1981, p. 68; *Зальшкйн М.М.* Румыния и румыно-русские отношения 1876–1878. М., 1974, с. 252.

широтой с явной целью всегда иметь под рукой предлог для вмешательства в конфликт. Нота вызвала недоумение и протесты в самой Англии. Член парламента Э. Чайлдерс счел ее “плохо продуманным, наглым и провокационным посланием”⁵⁰. Стало ясно: допускать разгрома Турции правительство ее величества не намерено.

Горчаков прислал успокоительные заверения: захват Константинополя в планы России не входит, режим Черноморских проливов ради сохранения мира и всеобщего спокойствия должен быть урегулирован на справедливых и действительно гарантированных началах⁵¹. Две важные, общеевропейского значения проблемы отдавались на суд концерта держав, в котором Россия пребывала в меньшинстве. Александр II подтвердил эту позицию своим “священным честным словом”⁵². Россия оставалась верна принципам, зафиксированным еще в 20-е годы.

В июле месяце с полем сражений поступили первые тревожные сигналы. Кавказская кавалерийская бригада заняла город Плевну, разоружила тамошних мусульман и отправилась дальше. А к Плевне с юга подошел корпус под командованием лучшего из турецких генералов Нури Османа паши численностью более 40 тыс. Оставлять такую силу в тылу российской армии было опасно. Началась осада крепости, растянувшаяся почти на полгода. Первые два штурма наскоро подготовленные, принесли большие потери. Осадный корпус пополнили румынские войска (свыше 30 тыс. человек), что составляло треть его общей численности. Номинальным командующим осадой стал князь Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген как владетельный монарх. Вел себя этот бывший прусский лейтенант достаточно тактично, поучениями русским генералам не досаждал. Положение изменилось с прибытием под Плевну прославленного военного инженера генерала Э.И. Тотлебена. Он завершил окружение города, прервал снабжения его извне. 28 ноября (10 декабря) Осман паша повел своих измученных, изголодавшихся аскеров на прорыв, оставив раненых и больных на произвол судьбы и милость неприятеля. Потеряв 6 тыс. человек и будучи ранен сам, он сдался.

В Лондоне затянувшейся осадой Плевны воспользовались для нагнетания напряженности в отношениях с Россией. В сентябре Дизраэли в парламенте назвал британский нейтралитет условным. Военный агент в России полковник Уэлсли заявил, что, если последует вторая кампания, Британия нарушит нейтралитет. Угрозы произвели обратный эффект: военные действия зимой велись с удвоенной энергией. В битве при Шипке – Шейново М.Д. Скобелев разбил корпус Вессел паши. Была занята София. И.В. Гурко разгромил под Пловдивом армию Сулеймана паши. 15 января 1878 г. появился меморандум об условиях замирения в британской трактовке: “Любой договор между правительством России и Портой, затрагивающий договоры 1856 и 1871 гг., должен иметь европейский характер и не будет иметь силы без согласия участников мирного договора 1856 г.”⁵³ Из сего следовало, что России предписывалось закончить победоносную войну на условиях, с которыми она смирилась после неудачной Крымской войны.

В дополнение к нотам в ход был пущен бронированный кулак. 13 февраля 1878 г. эскадра адмирала Хорнби, шесть броненосцев и фрегат, вошла в Дарданеллы и бросила якорь в Мраморном море. Одним из броненосцев командовал сын королевы Виктории и зять Александра II, супруг его единственной дочери Марии. И великий князь Николай Николаевич, и сменивший его на посту командующего Дунайской армии генерал Тотлебен докладывали в Петербург, что не могут воспрепятствовать прорыву эскадры в Черное море ввиду отсутствия в войсках тяжелых орудий, единственно способных потопить бронированные чудовища. Несколько месяцев продолжалось опасное противостояние – российские войска на берегу, английские суда на воде. Высадить десант британцы не решились. В середине марта император был уверен – войны с Англией избежать не удастся.

Удалось.

⁵⁰ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1877, д. 71, л. 349–350; *Parliamentary Debates*, ser. 3, v. 239, p. 789.

⁵¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. 3. М., 1964, с. 80–82.

⁵² *Татищев С.С.* Указ. соч., т. 2, с. 308–309.

⁵³ *Sumner B.H.* *Russia and the Balkans 1870–1880.* Oxford, 1934, p. 323.

Напомним: в Лондоне считали крайне тяжелую Крымскую войну ненужной, бесславной и даже глупой. Основные ее итоги продержались едва 15 лет. А теперь положение для соперников России складывалось хуже, чем перед крымской эпопеей. Основной предполагаемый союзник Великобритании, Австро-Венгрия, относилась к разряду тех держав, которые, начиная одну кампанию, сомневались в возможности выдержать вторую. Франция испила всю горечь от пренебрежения сотрудничеством с Россией, пережив национальную катастрофу под Седаном. Президент республики генерал М. Макмагон не скрывал, что никакие силы не заставят его страну расстаться с нейтралитетом, хватит, навоевалась себе на горе. А ведь французская армия являлась ударной силой антироссийской крымской коалиции. Замышляемая война не могла быть повторением Крымской. Никто не верил в доблести разноплеменного габсбургского воинства. На сторону предполагаемых противников России перебежала румынская олигархия. Александр II дал согласие на присоединение к Румынии Северной Добруджи, однако он считал делом чести для себя возвращение России отторгнутой у нее после Крымской войны Южной Бессарабии. А бухарестский режим хотел приобрести Добруджу, но с Южной Бессарабией расставаться не собирался. Румынские эмиссары предлагали свои услуги в Вене, Лондоне и Стамбуле, но натолкнулись везде на отказ. Повсюду решили искать мирной договоренности и не ввязываться в заведомо тяжелую и долготлетнюю войну.

3 марта 1878 г. бывший посол в Константинополе Н.П. Игнатьев подписал с Высокой Портой прелиминарный Сан-Стефанский мирный договор, отвечавший всем чаяниям российской общественности.

Турция признала государственную независимость Сербии, Румынии и Черногории. Предполагалось территориальное расширение трех государств. Восстанавливалась пограничная в средние века государственность Болгарии в самоуправляющемся княжестве с широко очерченными границами и выходом к двум морям, Черному и Эгейскому. В Боснии и Герцеговине Порты обязалась провести реформы. Россия возвращала себе Южную Бессарабию и приобретала в Закавказье Батум, Карс, Ардаган и Баязет. Предусматривалось проведение реформ на острове Крит⁵⁴. Лондон и Вена встретили Сан-Стефанский договор в штыки. Послу в Британии А. Шувалову пригрозили разрывом дипломатических отношений. В Вене канцлер Д. Андраши заявил послу Е.П. Новикову, что ни один министр монархии не согласится на расширение Болгарии к югу от Балканских гор, и он сам будет сопротивляться этому “любыми средствами”. Новиков задал вопрос в лоб: “Даже с помощью войны?”. Мадьяр уклонился от прямого ответа и повторил: “Любыми средствами”⁵⁵.

“Разрыв с Англией почти неизбежен”, – телеграфировал царь своему брату Николаю Николаевичу 18(30) марта. Армейское командование решило предоставить дипломатии разрулить ситуацию. Война представлялась бесперспективной: британцы на своих островах недостижимы, австрийцы находятся под защитой Германского рейха. Обмен телеграммами с Бисмарком не оставил сомнений: разгромить Вену Берлин не позволит. Своего рода антисанстефанский фронт образовался и на Балканах. Отечественная историография долгое время о нем умалчивала, лишь в последние годы появились первые упоминания⁵⁶. Против договора резко выступили Сербия, Греция и Румыния, сочтя его равнозначным установлению на полуострове болгарской гегемонии и видя в нем попрание своих интересов. Российский посланник в Афинах писал, что город стал “ареной массового психоза” и “демонстраций великой злобы”⁵⁷. Таков был накал антисанстефанских страстей.

И встает вопрос: а мог ли трактат, отвергнутый тремя самыми развитыми и самостоятельными государствами полуострова, служить установлению стабильности в регионе и обеспечивать в нем сохранение прочного и длительного мира? На наш взгляд, нет.

Самодержавию оставалось идти на конгресс, или, как тогда выражались, на трибунал. Следовало предварительно нащупать слабое звено во враждебной цепи. Бисмарк

⁵⁴ Сборник договоров России с другими державами 1856–1917. М., 1952.

⁵⁵ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1878, д. 111, л. 253, 254.

⁵⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России, т. 1. М., 2002, с. 386.

⁵⁷ В “пороховом погребе Европы”. М., 2003, с. 300.

советовал обратиться в Вену, австрийцы продадутся дешевле. Однако визит туда Игнатьева завершился провалом. Андраши к требованию оккупации Боснии и Герцеговины австрийскими войсками (на что было получено согласие по Будапештской конвенции) добавил претензии на остров Ада-Кале на Дунае “обратить сербское племя в вассальное владение венгерской короны”⁵⁸.

Оставалось постучаться в лондонскую дверь, хотя из Англии поступило очередное требование: все статьи Сан-Стефанского договора подлежат рассмотрению на конгрессе (с целью пересмотра, добавляли в Петербурге). Однако выбора не было. 18–19(30–31) мая англо-российский меморандум был подписан. В Зимнем дворце его условия были сочтены тяжелыми, но все же приемлемыми. Российская делегация во главе с Горчаковым собралась в Берлин доигрывать заранее проигранную партию (по словам ее главы). Конгресс начался 1(13) июня 1878 г. и продолжался ровно месяц. Оттуда императору поступали неутешительные вести: почти вся Европа против России⁵⁹. “Берлинский конгресс есть самая черная страница моей служебной карьеры”, – сетовал Горчаков. “И моей также”, – сделал помету император⁶⁰.

А в Лондоне торжествовали. Королева Виктория удостоила Б. Дизраэли и главу Форин оффиса Р. Солсбери высокого ордена Подвязки за их подвиги на конгрессе, пресса осыпала их похвалами в степени, по мнению М.Н. Каткова, приличиями не допускаемыми.

Общественность России, ознакомившись с Берлинским трактатом, была шокирована. Златоуст славянофилов И.С. Аксаков выступил перед соратниками с речью разгромной, если не сказать погромной, в адрес несчастных представителей на берлинском судилище: “Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством дипломатических умов, перед этой грандиозностью рабологии”⁶¹. Общественность тяжело переживала расправу, произведенную над Сан-Стефанской Болгарией.

Среди очень немногих, выступивших в защиту российских делегатов, заслуживает упоминания общественный деятель и публицист Б.Н. Чичерин, дядя будущего советского народного комиссара по иностранным делам. Старший Чичерин изложил свои взгляды в записке, направленной государыне Марии Александровне. Он отвергал славянофильское мифотворчество насчет расширения на юг, что означало, по его словам, перенос центра державы в нерусские области и исчезновение России как таковой. Она не может сойти со своего места (здесь – царская помета “Совершенно справедливо”). Предвидел он и прерывание Балкан в “пороховой погреб Европы”⁶².

В британском парламенте диссонансом восхвалениям в честь Б. Дизраэли и Р. Солсбери прозвучало выступление лидера либералов в палате лордов графа Д. Грэнвилла. Россия, по его словам, добилась в Берлине всего, чего она желала и о чем мечтала перед войной. Он подходил к трактату с традиционной меркой, сравнивая то, что было до и после войны. А в России в качестве образца фигурировал Сан-Стефанский договор, враждебно встреченный не только в Англии и Австро-Венгрии, но и в Сербии, Румынии и Греции, и, как таковой, не имевший шансов на установление стабильности в регионе. И при традиционном подходе к оценке Берлинского трактата он предстоит совсем в ином свете – не позорным, а победоносным: Россия залечила последнюю оставшуюся после Крымской войны рану, вернув себе Южную Бессарабию; в Закавказье состоялось присоединение Батума, Карса и Ардагана.

В историю Балкан война вошла вехой кардинального значения. Все державы, кроме России, стеной стояли на страже незыблемости султанских владений в Европе, с порога отвергали идею предоставления балканским народам независимости. Русский штык

⁵⁸ После Сан-Стефано. Записки гр. Н.П. Игнатьева. Пг., 1916, с. 38–40.

⁵⁹ *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1984, с. 116.

⁶⁰ Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998, с. 368.

⁶¹ *Аксаков И.С.* Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878, с. 6, 20.

⁶² Политика. Дипломатия в XVI–XIX веках. М., 1964, с. 414–418.

слобил их яростное сопротивление, конгресс признал независимость трех стран, Сербии, Румынии и Черногории. Все они территориально расширились. Сербия присоединила земли площадью 11 тыс. кв. км (по Сан-Стефанскому договору – свыше 8 тыс. кв. км). Черногория увеличила свою территорию вдвое и получила выход к Адриатическому морю. В состав Румынии вошла Северная Добруджа. Греция несколько позже приобрела Фессалию и часть Эпира. Освобождение, как и говорилось в царском манифесте, выдалось прочное и бесповоротное. Европа склонилась перед волей России. Противоестественный раздел Болгарии прекратился в 1885 г., и без всяких осложнений. Ее единство утвердилось навсегда⁶³. Прошло чуть больше 30 лет, и вооруженные силы Сербии, Болгарии, Греции и Черногории в Первой балканской войне в пух и прах разгромили турецкую армию. И заняло это всего месяц. Такое предкам не грезилось даже в сновидениях. И путь к триумфу открыл Берлинский трактат 1878 г.

Османская империя вступила в полосу угасания. Доктрина статус-кво, предусматривавшая сохранение ее власти и влияния в Юго-Восточной Европе, приказала долго жить. После появления трех новых независимых государств говорить что-то насчет сохранения власти султана на Балканах становилось нелепо. Восторжествовал курс России на освобождение балканских христиан, что еще предшествовавшему поколению представлялось недостижимым. В ходе балканских войн турецкая держава оказалась в Европе территориально прижатой к проливам Босфор и Дарданеллы. Через несколько лет то, что осталось от империи, превратилось в Турецкую республику.

* * *

В XIX в. об Османской империи часто толковали как о кандидате в покойники. В российских сферах при этом подразумевалось, что она развалится без всякого постороннего вмешательства, не выдержав раздирающих ее противоречий. Выступать в роли ее могильщика российские самодержцы не собирались, хотя подобные планы им и приписывались. Целью являлось освобождение балканских народов и возрождение их государственности, а не присоединение к России. Еще Петр I подчеркивал отсутствие у него стремления к “распространению своих областей” за Дунай. В 20-е годы XIX в. эта тенденция была зафиксирована в международных актах. В англо-русском протоколе (апрель 1826 г.), в так называемом протоколе о бескорыстии, учиненном двумя державами вместе с Францией (декабрь того же года), и летом 1827 г. в подписанной всеми тремя державами конвенции они заявили, об отказе от каких-либо притязаний на балканские земли. Россия придерживалась этой позиции в последовавших войнах. Александр II в манифесте 1877 г. определял цели войны кратко: освобождение Болгарии и других христианских земель, освобождение полное и бесповоротное. Главный реальный итог войны на Балканах – признание Берлинским конгрессом государственной независимости Румынии, Сербии и Черногории. Что же касается Турции, то она в конце XIX в. вступила в новую фазу развития. Американский ученый К. Карпат (судя по имени – турок по происхождению) считает водоразделом в истории Турции 1878 г.: до него – имперская османская история, после – национальная турецкая. “Оттоманско-русская война 1877–1878 гг. нанесла смертельный удар традиционному Оттоманскому государству и открыла дорогу для развития турок как национальной группы со своим политическим лицом”⁶⁴. Разгром 1878 г. принес самим туркам освобождение от имперского бремени. Раньше государственная мудрость в Высокой Порте сводилась к удержанию подвластных ей народов в повиновении и в расправах над ними в пору восстаний. После 1878 г. национальная история турецкого народа пошла по другому пути, развернулась во всем ее многообразии. Это позволило СССР установить с Турецкой республикой в эпоху К. Ататюрка нормальные межгосударственные отношения, которые сохраняются и до нашего времени.

⁶³ Текст договора см. Сборник договоров России...

⁶⁴ South-Eastern Europe, Arizona State University, 1978, v. 5, № 1, p. 2.